

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

А. Б. СОКОЛОВ

«ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ И НЕРЕДКИЙ ПРИМЕР ЗАПУТАННОСТИ МЫСЛЕЙ»

О СТАТЬЕ М. И. БАЦЕРА «ДВЕ АНГЛИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ
КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА»

В статье содержится критический анализ предлагаемых М. И. Бацером подходов к пересмотру сложившегося в советской историографии понимания преемственности между революцией 1640–60 гг. и Славной революции 1688 г. и оценок исторической роли последней. Автор указывает на избирательный характер работы Бацера с историографическими источниками, игнорирование им результатов исследований современных зарубежных историков, односторонние оценки трудов советских англоведов.

Ключевые слова: М. И. Бацер, Славная революция и ее последствия, революция 1640–60 гг., левеллеры, советская историография двух английских революций.

Опубликованная под рубрикой «Приглашение к дискуссии» в «Диалоге со временем» (2011, № 35) статья М. И. Бацера «Две английские революции как историографическая проблема» побудила к размышлениям не только об английских революциях XVII в., но и состоянии современной российской историографии. Идея автора заключается в привлечении внимания к Славной революции 1688–89 гг., которой и посвящена основная часть текста. Пожалуй, с М. И. Бацером можно согласиться только в том отношении, что это событие британской истории действительно остается в тени Великой английской революции, тогда как оно заслуживает большего внимания историков. Что касается всего остального, то возражений куда больше, чем хотелось бы.

Главный тезис автора состоит в утверждении, что «необходим полный пересмотр отношения к Славной революции – великому событию мировой истории» (с. 311). Принимая как аксиому утверждение, что любой историк имеет право на собственную точку зрения, я исхожу из того, что главной задачей историографии является оценка уровня ее аргументации. Совершенно очевидно, что костяком аргументации в рассматриваемой статье является опора на некоторых историков XIX в., прежде всего, на Ф. Гизо и Т. Маколея. Автор не приводит никаких иных аргументов, кроме тех, которые он черпает у них, и не случайно в подтверждение своих позиций приводит длинные цитаты из их работ.

Например, ключевой смысл несет отрывок из Гизо, который, по утверждению Бацера, «великолепно ответил» советским историкам за 100 с лишним лет до появления их работ: «Часто говорилось во Франции, и даже в Англии, что революция 1688 года была делом в сущности аристократическим, ненародным, совершившимся по соображениям высших сословий и в их пользу, а не вследствие побуждения целой нации и для ее блага. Замечательный и нередкий пример запутанности мыслей и забвения фактов, которыми так часто руководствуются при оценке великих событий! Революция 1688 г. сделала в области политики два самых популярных дела, какие только знает история. С одной стороны, она провозгласила и обеспечила личные и всеобщие права простых граждан, с другой – деятельное и решительное участие народа в своем правлении. С нравственной стороны революция 1688 г. имела еще более популярный характер: она была совершена во имя религиозных убеждений народа и их силою совершена для их обеспечения и господства. Никогда, ни в какой стране вера масс не оказывала такого влияния на судьбу их правления. Народная по принципам и результатам революция 1688 г. была аристократическою по исполнению» (с. 298–299). Фактически в аргументации великого исторического значения (так говорили в советское время о другой революции) Славной революции Бацер не идет дальше Гизо; он не привносит нового в наши знания о Славной революции (что отчасти простительно в связи с историографической постановкой вопроса). Как и Гизо, он фактически сводит свои рассуждения к последствиям Славной революции. Резюмируем, *что* по этому поводу сказано у Гизо: были обеспечены личные права граждан; было обеспечено право граждан участвовать в управлении; были обеспечены религиозные убеждения народа. К этим пунктам мы вернемся ниже.

Буду откровенен: написать эти строки меня побудил не столько интерес к Славной революции как таковой, а авторский стиль Бацера, способ, избранный им для аргументации своей позиции. Он дважды упоминает о том, *что* «каждому студенту-историку ныне должно быть известно», но и каждому историку-специалисту должно быть известно, что есть минимальные историографические требования, которые должны выполняться, тем более, если сделана заявка на переосмысление непростой исторической проблемы. И в этом отношении у меня есть три основных замечания, на которых я остановлюсь подробнее.

Во-первых, я утверждаю, что для автора характерен «избирательный» способ анализа источников (в данном случае историографических источников XIX в.): он «принимает» те из них, которые подтверждают его позицию, и отвергает те, которые его не устраивают. Пользуясь по-

нятием Р. Коллингвуда, это типичная «история ножниц и клея». У него есть свои «герои» (к их числу отнесены, прежде всего, Гизо и Маколей) и «антигерои», те, кто посмел сомневаться в величии Славной революции (Тьерри, Маркс со всеми его продолжателями, Мишле). Он вовсе не считает нужным упомянуть, что в этой последней группе «антигероев» именно те историки, для которых слово «народ» было не пустым звуком, которые потому и были несколько скептически к Славной революции, что видели в ней не народное, а верхушечное, «аристократическое» движение. Зато его «герои» – это «выдающиеся историки и политики». (И это сказано, в частности, о Гизо, своей непопулярной политикой приблизившем революцию 1848 года. Быть премьер-министром еще не значит быть выдающимся политиком). Гизо «великолепен» в своих ответах критикам, почти как герой Бельмондо в одноименном фильме. Маколей способен «вскрывать» историческую «механику» (с. 305), давать «подробнейшую характеристику» (с. 302), проводить «блестящее сопоставление революций в Англии и на континенте» (с. 304). Другой либеральный историк, Дж. М. Тревельян, способен «сделать компаративистское резюме» (с. 304). Не так плох и «прогрессивный» историк Дж. Р. Грин, которому в статье «предоставлено слово» (с. 305). Надо полагать, что Тьерри в глазах Бацера – автор глубоко реакционный.

«Героям» противостоят «антигерои», которых наш автор именует не иначе как «очернителями», что весьма экзотично звучит в устах человека, призывающего избавиться от «вульгарной социологии» и вредных стереотипов: «При внимательном анализе проблемы (где бы найти его в этой статье! – А. С.) фальсификаторами истории предстают не Маколей и Гизо, апологеты Славной революции, а те историки, которые выступали как ее очернители» (с. 297). Чего еще ожидать от очернителя Тьерри, кроме того, что он высказывается «в вопиющем противоречии с реальной логикой исторического процесса», а статьи его «содержат поразительную по нелепости и полной бездоказательности фальсификацию реального исторического значения событий» (с. 303). Он, видимо, человек нецивилизованный, ибо не признает, что цензуру отменила Славная революция, а «это давно признано всеми цивилизованными людьми» (с. 303). Чего ожидать от англофобов Стендаля и Мишле, «ненавидевших английские порядки» (с. 299)? Не знаю, есть ли смысл напомнить нашему автору то, что известно «всякому студенту-историку», изучавшему в университете курс историографии: как историк Огюстен Тьерри, по меньшей мере, равен Франсуа Гизо, и потому заслуживает не меньшего уважения, а его мнение не меньшего внимания. Для критики нужны весомые аргументы, а не навешивание ярлыков. Защищая Мако-

лея от обвинений в «фальсификации истории», М. И. Бацер сам так полюбил это словечко (таково, увы, влияние контекста времени и сила политики языка), что и сам охотно и часто к нему прибегает по отношению к тем, чья позиция его не устраивает: «Всякий образованный человек, читавший роман, может разоблачить эту наглую фальсификацию» (с. 303). Что в этом случае вызвало праведный гнев автора статьи? То, что в каком-то фильме по мотивам «Одиссеи капитана Блада» Р. Сабатини (в каком, остается в мыслях негодующего Бацера), авторы посмели вставить фразу по поводу Славной революции: «Опять толстосумы у власти!» Надо было, видимо, воскликнуть: «Ура, народ у власти!», благо, что речь идет о фильме, то есть о художественном произведении, что дает его создателям (напомним об этом нашему разоблачителю фальсификаций) право свободнее интерпретировать прошлое, чем это дозволительно историку.

Остается только сожалеть, что автор публикации мало что взял от той интеллектуальной свободы, которой (при всех *но*) российские историки пользуются в последнюю четверть века. Призывая преодолеть недостатки советской историографии, он не предлагает лишь смену знаков, не понимая, кажется, что от перемены мест результат не меняется. Вооруженный тем же арсеналом, который использовался в далеко не лучших работах советского времени, он также готов «навешивать ярлыки», шельмовать за отличное от собственного мнение, а главное быть твердо убежденным в своей исключительной правоте. Нет более ясного проявления примитивного позитивизма, чем рассуждения о положительном или отрицательном значении исторического события (а именно к этому Бацер в конечном счете сводит свои выводы). Прошлое неизмеримо сложнее, чем утверждение о способности историка предложить «истину, которая, как известно, познается в сравнении» (с. 304). Уверенность в опоре на «факты», частые заклинания об исторической «реальности», например, «ганноверской реальности», которую, как должен понять читатель, именно наш автор и сумел познать, не убеждают, а лишь свидетельствуют: методологической основой его рассуждений остается позитивистско-марксистская логика. Собственно, он сам «проговаривается»: «На наш взгляд, исторический материализм как раз требует высочайшей оценки характера и результатов Славной революции» (с. 299). Многократные напоминания об «элементарных фактах», «несомненных фактах» (напр., с. 300-301, 307), служат всего лишь доказательством того, что автор не различает факты и суждения. Вот лишь один пример «элементарного факта»: «После 1688 г. в Англии стало невозможным появление новых деспотов» (с. 300). Остается только

восхититься логикой автора! Кого он понимает под деспотами? Уж не Карла ли I? Или Якова II? А что не добавить Георга III или Георга IV, которых ряд современников был склонен обвинять в деспотизме? Обвинения Георга III в тирании (см. «Декларацию независимости») послужили поводом для его подданных, американцев, к восстанию. Однако Бацер, видно, не считает, и не без основания, этого короля деспотом и тираном. Другими словами, как можно выборочные оценочные суждения современников называть «фактами», подменять анализ точек зрения в контексте времени и интересов вовлеченных лиц идеологически зашоренными лозунгами? Это ли не «вульгарная социология», против которой автор выступил в крестовый поход! К сожалению, он далек от того, чтобы воспринимать историографию в контексте дискурсивности, для него она, как была, так и осталась местом идеологической схватки.

Во-вторых, материал статьи ни в малейшей мере не свидетельствует о том, что автор сколько-нибудь знаком с новейшей историографией проблем британской истории по теме английских революций, наоборот, он черпает свои аргументы из прошлой историографии, позиции которой многократно пересматривались историками. Любой исследователь вправе принимать одно и отвергать другое, но он не имеет права скрывать от читателя целый пласт аргументов, относящихся к обсуждаемому вопросу. Непонятно, как можно представлять читателю претендующую на проблемный характер статью, в которой вовсе отсутствует минимально необходимая информация о современном состоянии изучения темы. Обращение к новейшей исторической литературе доказывает: взгляды Гизо и Маколея, как, впрочем, Тьерри и Мишле, далеко не отражают современных представлений о Славной революции, о ее месте в истории Англии. И те аргументы, которые приводит Бацер, ссылаясь на Гизо и Маколея, выглядят архаично и необубедительно.

Не имея здесь возможности представить современную британскую историографию проблемы сколько-нибудь полно, ограничусь некоторыми примерами. Обратимся сначала к тому направлению в историографии, которое именуется неолиберальным, и которое, при всех *но*, развивает взгляд, любезный нашему автору – о важности Славной революции и ее последствий. Очевидно, что даже историки этого направления, однако, далеки от того, чтобы трактовать эти вопросы так, как это делали историки XIX века. Один из самых известных в британской историографии трудов – книга Б. Коварда «Век Стюартов. Англия 1603–1714» (впервые опубликована в 1980 г.)¹. Этот автор не отрицал значи-

¹ Coward. 1994.

тельных изменений, произошедших за сто с лишним лет, но полагал, что они происходили постепенно, эволюционно: «Славная революция 1688-9 гг., как и Английская революция и режим Реставрации, вызвали очень немного изменений долговременного характера в конституционном устройстве, и в финансовой и административной системе короны»². Ковард утверждал, что и после Славной революции корона вполне могла оставаться политически независимой от парламента. Если наметилась иная тенденция, то к самой Славной революции это имело только косвенное отношение. Катализатором конституционных изменений явилась не она, а войны, которые велись при Вильгельме III и королеве Анне и потребовали бюрократизации управления и улучшения королевских финансов. По мнению Коварда, Вильгельм III был вынужден вступить в диалог с парламентом по вопросам финансирования войны не раньше 1701 г. Что касается войн 1690-х гг., то их с полным основанием называют «войнами короля Вильгельма», о своих планах и действиях король не считал тогда нужным информировать не только парламент, но даже министров³. Ковард подчеркивал, что вывод о том, что к восшествию Ганноверов на английский престол в 1714 г. сложилась конституционная система, отличная от прежнего государственного устройства, ошибочен. Он писал: «Поздние Стюарты правили в той же мере, что и царствовали. Правительство в 1714 г. все еще было преимущественно личным управлением монарха. Вильгельм III и королева Анна (как и Георг I) сохраняли твердый контроль над процессом принятия правительственных решений. Центром политики оставался королевский двор. Министры должны были иметь поддержку в парламенте для предпринимаемых ими мер, но их главной заботой оставалась благосклонность короля, вместе с ее потерей рушилась их политическая fortuna. Персональные склонности и симпатии монарха по-прежнему имели главное политическое значение. Возникновение кабинета министров ни в каком смысле не разрушило личной власти монарха»⁴. Видимо, Ковард не читал советских учебников истории (в частности, не единожды цитируемого Баццером учебника под редакцией Е. Е. Юровской, М. А. Полтавского, Н. Е. Застенкера), а то он бы знал, что «каждому студенту-историку ныне должно быть известно, что власть первых Георгов была чисто формальной по сравнению с полным верховенством парламента». Таковы, по мнению Баццера, «реалии ганноверского пе-

² Ibid. P. 449.

³ Ibid. P. 457.

⁴ Ibid. P. 496.

риода» (с. 303–304). Впрочем, Ковард признавал, что королевское правительство в Англии к 1714 г., будучи столь же сильным, сколь и любое правительство на континенте, было менее свободным в проведении политики централизации и осуществлении авторитарных мер⁵.

Рассуждая о последствиях Славной революции, М. И. Бацер придает куда меньше значения, чем следовало бы, религиозным вопросам, и это, вероятно, тоже следствие стандартного набора утверждений из учебников советского времени, в которых значение религиозного фактора явно преуменьшалось. По сути, он ограничился высказыванием, что Карл II и Яков II «стремились полностью восстановить в Англии абсолютизм и католицизм, подчинить ее политическому диктату могущественного соседа Людовика XIV, претендовавшего на всеевропейскую гегемонию» (с. 297). Такие штампы непросто отыскать в современной зарубежной историографии. При этом Бацер не замечает, что подобные утверждения находятся, пользуясь его стилистикой, в вопиющем противоречии с его собственным выводом о том, что «следует восстановить в целом положительную оценку Реставрации Стюартов в 1660 г.» (с. 311). Надо ли понимать, что якобы имевшие место устремления монархов времен Реставрации к восстановлению абсолютизма и католицизма были делом сугубо «положительным»? Вообще, хотелось бы знать, когда абсолютизм в Англии существовал, если его желали восстановить. Если учитывать труды многих современных зарубежных историков, то никак не при Стюартах. Даже в советской историографии понятие «английский абсолютизм» использовалось с оговорками. Также неясно, то ли поздние Стюарты хотели восстановить абсолютизм, то ли «увековечить» (с. 298), что вообще-то не одно и то же.

Возвращаясь к религии, выделим приведенные в тексте высказывания Гизо о том, что Славная революция была совершена по религиозным убеждениям народа, и она же утвердила принцип религиозной свободы. Поскольку Бацер эти слова не комментирует, надо полагать, он их разделяет. Увы, действительный смысл религиозной проблемы остается нераскрытым. Современный британский историк Т. Харрис разъяснял: по недавним исследованиям в годы Реставрации приверженцы римско-католической церкви составляли в Англии ничтожную часть населения, всего 1,2%, и потому не могли нести угрозу, хоть сколько-нибудь сопоставимую с тем, как католическая опасность отражалась в пропаганде, какой страх она порождала. Обычно, еще с XIX в., это противоречие снималось утверждением, что угроза протестантскому обществу была

⁵ Ibid. P. 455.

реальной и политической по характеру, так как шла от собственного королевского двора и католической Франции (так считают, например, Гизо и Бацер). На самом деле «папистская угроза» была не «реальностью», а частью религиозного дискурса, в который были вовлечены разные фракции англиканской церкви, а также протестанты-диссентеры. Харрис писал: «Сила боязни папизма в то время может быть понята только в случае, если мы осознаем, что борьба по вопросам церковного устройства неизбежным образом артикулировалась посредством риторики антипапизма».⁶ Поэтому, говоря о последствиях Славной революции в сфере религии, Ковард делал вывод не о свободе вероисповедования, а об усилении разногласий в англиканской церкви, между высокоцерковниками и низкоцерковниками, и о переходе ведущей роли к последним. Относительно невелико было число диссентеров, т.е. приверженцев иных протестантских церквей: 4,3% по данным 1676 г., 6,21% населения Англии по данным 1715–1718 гг. Самой многочисленной группировкой были пресвитериане (3,3%), затем следовали индипенденты (1,1%), партикулярные баптисты (0,74%), квакеры (0,73%), генеральные баптисты (0,35%). Будучи исключенными из политики, что само по себе не позволяет говорить о формальном равенстве конфессий, многие диссентеры реализовывали себя в торгово-коммерческой деятельности. В этом отношении, как известно, особенно характерна история квакеров.⁷

Что касается гражданских прав, то в условиях сохранения полного неравенства в сфере избирательных прав (этой темой буквально переполнены источники XVIII–XIX вв.) говорить об этом в современном смысле слова вряд ли возможно. Как показывают исследования историков, региональная политическая элита была вынуждена искать поддержку тех, кто относился к категории «управляемых». Все же сдвиги, произошедшие после Славной революции нельзя преувеличивать: «Парламент стал заседать регулярно, сессии стали ежегодными, а срок действия парламента был ограничен Трехгодичным актом 1694 г. Однако корона имела право, и часто делала это, если хотела, приостановить деятельность парламента раньше. Нет оснований считать, что внутри парламента доминировала избранная палата общин. Историки все больше убеждаются, что жизненно важную роль в течение всего этого периода играла палата лордов. И в самом деле, многие из первых лидеров партий заседали в верхней палате»⁸. В то же время «возможность

⁶ Harris. 1993. P. 12–13.

⁷ См.: Coward. Op. cit. P. 461–465.

⁸ Harris. Op. cit. P. 14–15.

проголосовать стала шире при поздних Стюартах, чем она была раньше и позднее в течение довольно долгого времени. Прежняя практика, при которой местные элиты во избежание конкуренции договаривались о кандидатах, стала трудно реализуемой по мере того, как общество становилось больше политически поляризованным⁹. Еще один историк либерального направления, У. Спек, замечал: социальные, политические и даже религиозные тенденции в истории Англии XVIII в. неверно выводить только из «революционного устройства», многие из них прослеживаются задолго до 1688 г.¹⁰ В самом деле, положения, изложенные в «Билле о правах», несли мало нового. «Послереволуционное устройство» не шло дальше программных документов индпендентов времен революции середины XVII в. Именно индпендентов, а не левеллеров, как это можно понять из статьи М. И. Бацера.

Повторяю, что это суждения историков, в целом близких либеральной традиции. Что касается историков ревизионистского направления, труды которых приобрели в конце XX в. исключительную популярность, то они вовсе отвергают представление о Славной революции как о некоей границе, разделяющей старый порядок и современное общество. Если Ковард искал компромисс и называл концом английского средневековья 1714 год, то лидер ревизионистского направления Дж. Кларк полагал, что об этом не приходится говорить ранее парламентской реформы 1832 г. В его трудах, опубликованных в 1980-е гг., утверждалось, что английское общество после Славной революции продолжало оставаться глубоко консервативным в своих основах¹¹. По структуре и менталитету общество XVIII в. гораздо ближе к XVII в., чем к XIX. Для Англии XVIII в. было характерны сохранение огромного влияния церкви и веры в Бога, патриархальность, сильная монархическая власть, находившая широкую поддержку в обществе. Кларк считал, что в социальном плане значительно более показательным был не рост буржуазного среднего торгового класса, а сохранение доминирующих позиций за земельной аристократией. По его мнению, термин «старый порядок», обычно применяемый по отношению к странам континента, вполне пригоден и для Англии. «Старое общество» вплоть до 1832 г. определялось наличием в нем трех самых главных черт: оно было англиканским, аристократическим и монархическим. Джентльмены, англиканская церковь и корона осуществляли интеллектуальную и со-

⁹ Ibid. P. 18.

¹⁰ Speck. 1984. P. 3.

¹¹ Clark. 1985; Idem. 1986. См. подробнее: Соколов. 1997.

циальную гегемонию», – писал Кларк¹². Работы Кларка вызвали бурную дискуссию, о которой, к сожалению, почти неизвестно в нашей историографии. Острога этой дискуссии была в известной мере спровоцирована самим Кларком, тон работ которого, особенно в «Революции и восстании», один из его главных оппонентов Г. Т. Дискинсон назвал «агрессивным», а Дж. Блэк, отчасти его поддержавший, «задиристым». В самом деле, Кларк подчас очень ироничен по отношению к тем, чьи взгляды оспаривает. По его мнению, историография британской истории XVII–XVIII вв. всегда контролировалась «Старой Гвардией» и «Старыми Шляпами». «Старая Гвардия» – это марксистские и близкие к марксизму историки, среди которых он выделял К. Хилла и Л. Стоуна. Кларк замечал: если в работе Стоуна «Причины Английской революции» вместо слова «пуритане» вставить слово «нонконформисты», то весь текст можно без всяких изменений отнести не к 1640, а к 1740 г. «Старые Шляпы» – это неолиберальные историки. «Только после тщательного изучения, – иронизировал Кларк, – можно обнаружить, что Плам говорит нечто отличное от Кристофера Хилла»¹³.

В монографии В. В. Согрина, Г. И. Зверевой, Л. П. Репиной содержалась, по моему мнению, в известной мере, односторонняя оценка концепции Кларка: «В целом критический анализ выводов Кларка об эффективности монархии, аристократического режима, религии и однопартийного правления в 1688–1832 гг. показывает, что они получены в результате откровенных натяжек и подтасовок»¹⁴. Конечно, труды Кларка отражали контекст времени и усиление неоконсервативных тенденций. Недаром Л. Коллей отмечала в то же время тенденцию, затронувшую сначала тему революции середины XVII в.: «Ее суть в перестановке акцента с изменений на преемственность, с идеологии на религию, с плебейского протеста на силу патрициев»¹⁵. Разумеется, в мои намерения никоим образом не входит перетасовать М. И. Бацера на платформу скептиков. И сам Кларк позднее смягчил свой подход, и аргументы его противников не меньше достойны внимания историографа. Однако исчезновение из поля зрения целого историографического пласта недопустимо. Я бы согласился с мнением, высказанным когда-то британским историком Р. Портером: «Признавая или не признавая аргументы Кларка, любой исследователь стоит перед необходимостью

¹² Clark. 1985. P. 7.

¹³ Clark. 1986. P. 27.

¹⁴ Согрин, Зверева, Репина. 1991. С. 73.

¹⁵ Colley. 1986. P. 368.

определить соотношение между «преемственностью» и «новизной», между «традицией» и «изменениями» в ретроспективе европейской и собственно британской истории»¹⁶.

В-третьих, я вынужден подчеркнуть, что считаю неуместным тон, которым говорится в статье о советских историках. Не потому, что стою на марксистских позициях; наоборот, мне кажется, что я куда дальше ушел от марксизма, чем автор рецензируемой статьи. Дело в том, что и здесь явно прослеживается уверенность М. И. Бацера в том, что есть правильная точка зрения, которую он и выражает, а все остальное достойно поругания и осуждения. Он далек от понимания, в общем-то, азбучной истины: любой историк – человек своего времени, создающий свои труды по определенным неписаным правилам, и советская историография в этом отношении не исключение, а характерный пример. Поэтому ярлыки, наклеиваемые на советских историков, кажутся мне не только бестактными (особенно, если знаешь, что ответить они уже не могут), но и непродуктивными, так как они не помогают, а скорее препятствуют осмыслению феномена советской историографии. Какое впечатление остается после прочтения статьи о трудах советских историков, по крайней мере, тех, о которых ведется речь? Что это – «абсурд, причем именно с марксистской точки зрения» (с. 300); «яркое проявление метода вульгарной социологии» (с. 302); «вульгарно-социологическая недооценка политической стороны исторического процесса» (с. 308); «вопиющий пример двойного стандарта» (с. 309). Замечу, что речь идет о трудах советских англоведов, которые, с моей точки зрения, можно отнести к числу лучших, хотя с современных позиций во многих отношениях небесспорных. Впрочем, назвав книгу «вопиющим примером двойного стандарта», Бацер, ничтоже сумняшеся, тут же объявляет, что «факты, приводимые в книге Т. А. Павловой «Вторая английская республика», не говоря уже о традиционной позиции представителей английской исторической науки, свидетельствуют о том, что возможно более позитивное отношение к факту реставрации Стюартов (редкий случай, когда слово «факт» употреблено не всуе, такое событие действительно имело место – А. С.)» (с. 310). Я считаю книгу М. А. Барга «Народные низы в Английской буржуазной революции XVII века» одним из достижений советской историографии, хотя и не со всем в ней соглашусь, начиная с названия «буржуазная» в заглавии. И я убежден, что слово «вульгарный» ни под каким углом к ней не применимо. Я лично не был знаком с Баргом, но хорошо помню и Киру

¹⁶ British Politics and Society from Walpole to Pitt... P. 29.

Николаевну Татаринову, которую по праву называли одним из лучших знатоков английской истории, и Татьяну Александровну Павлову, мимо трудов которой, я уверен, не пройдет ни один англовед в течение многих десятилетий. Да, она писала с позиций марксизма, но с позиций нравственных. Будучи верующим человеком, она стремилась сеять добро и понимание, и, говоря откровенно, слова «двойной стандарт» по отношению к ней я воспринимаю как кощунство.

Таковы мои главные замечания, но есть и другие суждения автора, несколько отдаленные от темы Славной революции, мимо которых не считаю возможным пройти. Я полагаю: мнение Бацера, что «высказывания Маркса и Энгельса не всегда находились на уровне достижений исторической науки даже их времени» (с. 299) неправомерно и несправедливо. Следует ли понимать так, что классики марксизма просто обязаны были прочитать учебники истории по новому времени, неоднократно цитируемые в статье, чтобы быть в курсе достижений нашего сегодняшнего дня? Впрочем, за неимением физической возможности, это им, кажется, прощается. Я не считаю публичное заклятие Маркса и Энгельса необходимым ритуальным действием, подтверждающим переход историка от марксизма к либерализму. Заслуги и талант этих мыслителей вряд ли можно опровергнуть, что не означает, что их учение «верно», и надо принимать его, как говорили раньше, как руководство к действию. Маркс и Энгельс были «на уровне достижений исторической науки их времени», более того, они были оригинальными историками. Как доказывать очевидное? Не знаю: ну, возьмите классическую книгу Х. Уайта «Метаистория». Полагаю, что его, одного из основателей постмодернистской истории и лингвистического поворота, никто в приверженности к марксизму не обвинит. Но ведь в этой книге исследуются те, кого Уайт считал самыми великими историками XIX века: Мишле, Буркхардт, Гегель, Токвиль и другие. И среди них Маркс!

Небесспорны утверждения М. И. Бацера о революции середины XVII в. и связи между нею и Славной революцией. Начну с общей характеристики: «Английская революция 1640–1660 гг. представляет собой картину динамического взаимодействия тех социально-политических сил, которые во французской революции последовательно меняли одна другую на исторической сцене. Эти силы – легитимизм, радикализм и цезаризм» (с. 306). Оставлю в стороне не несущее никакого смысла «динамическое взаимодействие». Обратим внимание на сравнение английской и французской революций. Конечно, это идет от Гизо, первым представившего гражданскую войну и эпоху междоусобицы (именно так, а не «великим мятежом») чаще называли те события в

XVIII в.) как революцию. За его интерпретацией маячила тень Французской революции; именно Гизо рассматривал их как события одного порядка, две победы в долгой борьбе буржуазии за создание гражданского общества. Это представление унаследовали основатели марксизма, добавив в название революции слово «буржуазная». Так что в этом отношении неверно трактовать Гизо и Маркса как антиподов. Традицию сопоставления двух «революций» продолжили другие марксисты. В первой марксистской работе, специально посвященной Английской революции, «Общественное движение в Англии XVII века», Э. Бернштейн постоянно подчеркивал общность ее «динамики» с революцией во Франции. Он проводил прямые аналогии: «У английской революции есть свои жирондисты – пресвитериане, свои якобинцы или монтаньяры – индипенденты, свои эбертисты и бабувисты – левеллеры. Кромвель был ее Робеспьером и Бонапартом в одном лице, Маратом и Эбером был левеллер Джон Лильберн». По поводу Лильберна Бернштейн, правда, оговаривался, что у него не было «такого преувеличенно вульгарного характера словоизлияний». Акцентирование общих черт в развитии двух революций было свойственно советской марксистской историографии. Так что вопреки желанию порвать с ее недостатками автор на самом деле продолжает в этом отношении марксистскую традицию.

Остается неясным, каким образом Бацер трактует тезис о преемственности двух революций. То он заявляет, что Славная революция означала «победу дела Долгого парламента 1640 г.» (с. 299), то вдруг на последних страницах статьи начинает усиленно доказывать, что она была, ни много ни мало, продолжением дела левеллеров – тезис, способный вогнать в ступор тех, кто мало-мальски ориентируется в британской истории XVII века. Он пишет: «В некотором смысле можно утверждать, что без Лильберна не было бы Вильгельма III» (с. 306). Хотелось бы знать, в каком смысле? Во-первых, программа Долгого парламента, т.е. пресвитериан, и программа левеллеров – это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Во-вторых, стоит напомнить уважаемому автору, в чем состояла программа левеллеров. Для этого достаточно открыть их главный программный документ «Народное соглашение». В любом учебнике истории, даже советском, написано, что они выступали за республику (хотя это слово и не употреблено в источнике), управляемую однопалатным парламентом, и, в идеале (смотри первую редакцию документа), за всеобщее избирательное право (для свободнорожденных англичан), равно как и за ряд других «естественных» прав и свобод, отказывая, например, всенародно избранному парламенту в разрешении законодательствовать в религиозной области. Что здесь есть

общего с «послереволюционным устройством», то есть с положением после 1688 г., остается только гадать. Единственный аргумент, который предлагает Бацер, состоит в том, после 1649 г. левеллеры не признали кромвелевский режим, а некоторые из них вовсе присоединились к роялистам. Поскольку позицию этих людей можно много чем объяснить, но только не их гениальным прозрением по поводу предстоящей лет через сорок Славной революции, автор вбрасывает козырную карту: ею становится судьба Уайлдмана, который приложил руку к созданию вигской идеологии, а при Вильгельме III «стал главным почтмейстером королевства. По сути это разведывательная должность, предусматривающая контроль за всей перепиской». Рискую быть заклеянным как «вульгарный социолог», замечу, что одна судьба никак не может быть основанием для обобщений. Но дело даже не в этом. Наш автор вообще не замечает, насколько двусмыслен его пример: бывший левеллер в роли главного соглядатая и перлюстратора королевства.

Бедный Уинстенли! Религиозный мечтатель! Мог ли он предполагать, что советские историки будут искать в нем и диггерах предвестников социального переворота, а их критик (по существу, на свой лад, приняв созданный ими образ) назовет его (без всяких кавычек) «идеологом казарменного коммунизма» (с. 307). Непонятно, почему Бацер полагает, что демократизм левеллеров в советской историографии замалчивался. Достаточно вспомнить название книги Г. Р. Левина, о которой в статье и вовсе не упоминается. Главное здесь состоит в том, что описывая левеллеров как борцов с кромвелевским режимом, пролагавших дорогу к Славной революции, М. И. Бацер полностью упускает то, что и является основным предметом дискуссий об этой группировке в современной историографии. А вопрос ставится так: действительно ли левеллеры выступали за демократию и гражданское общество или их следует рассматривать как сугубо религиозное движение. Б. Гроб-Фитцгibbon утверждает: вопреки широко распространенному в историографии мнению о левеллерах как о светском движении, способствовавшем развитию в Англии идей демократии и даже социализма, в них надо видеть «прежде всего религиозных радикалов, а не политических агитаторов»¹⁷. Он подчеркивал, что сотрудничество, приведшее к возникновению левеллерского движения, возникло на основе общности религиозных взглядов, и эта черта оставалась ведущей и в дальнейшем: «Это правда, что Лильберн временами защищал псевдодемократию, но он делал это только потому, что верил: все человеческие существа созданы

¹⁷ *Grob-Fitzgibbon*. 2003. P. 905.

равными перед Богом... Если демократия не казалась ему подходящим средством для достижения его религиозных устремлений, он отказывался от нее»¹⁸. И заключал: не политика, а религия была первоначальным движущим фактором. Правда, и в этом отношении можно видеть у историков разные мнения: так, британский историк Дж Писи объясняет возникновение движения уравнителей совокупностью факторов, включая религиозный. Однако главную роль он отводит не политическому радикализму Лильберна, а характеру его связей с парламентариями в середине 1640-х гг., его «вовлеченности в тайную византийскую политику Вестминстера». Поэтому представление о Лильберне как о «“неуправляемом” и последовательном борце с “вышестоящими” – это миф, во многом им самим и созданный»¹⁹. На самом деле Лильберна «создали» и использовали в своей борьбе против пресвитериан индипенденты. Близкое мнение высказывает и другой историк М. Норрис: движение агитаторов, в ходе которого оформилась группировка левеллеров, лишь отчасти было «выражением латентного солдатского радикализма», оно фактически было организовано Кромвелем и Айртоном: «Какова бы ни была их роль в создании Комитета агитаторов, представляется очевидным, что им удавалось манипулировать этим органом»²⁰.

Признаюсь, что не являюсь апологетом или большим поклонником Кромвеля, однако оценка, данная ему в статье, представляется мне весьма субъективной. Трудно с уверенностью говорить, будто «протекторат нанес колоссальный урон экономическому потенциалу Англии» (с. 309). Тем более бездоказательными, а точнее нелепыми, выглядят утверждения, что Кромвель был тайным папистом (с. 310) или, что он организовал «психиатрический террор» (с. 308, 310). Надежным доказательством последнего служат автору слова из памфлета Лильберна: при упоминании имени Кромвеля мудрые люди впадают в безумие. Вкупе с такими утверждениями органично смотрелось бы напоминание, что в ночь после смерти Кромвеля за его душой явился сам дьявол, что сопровождалось страшной бурей - об этом тоже есть свидетельства в источниках. На самом деле, гораздо более здоровыми и полезными были бы указания на аспекты истории протектората, которые действительно являются сегодня предметом интереса историков, в том числе о правомерности применения к протекторату понятия «военная диктатура»²¹.

¹⁸ Ibid. P. 929–930.

¹⁹ Peacey. 2000. P. 627.

²⁰ Norris. 2003. P. 45.

²¹ Woolrych. 1990.

Или публикации о кромвелевской пропаганде в контексте политической культуры²². Так, Дж. Писи пришел к выводу: хотя правительственный контроль над общественным мнением стал при протекторате эффективнее, а власть обнаружила стремление к тотальному контролю над прессой, этот режим все же не стал в полной мере «пропагандистским государством». Американский историк Л. Кнопперс в книге, получившей широкую известность, на основе анализа речей протектора и визуальных источников пришла к выводу, что Кромвель проявлял скромность, смирение и даже антимонархизм в процессе конструирования образа его власти²³. С таким мнением можно не соглашаться, однако, в любом случае, образ Кромвеля сложнее, чем представляет Бацер.

Обратим внимание и на другие сомнительные моменты. Для придания веса собственной апологетике Вильгельма III автор статьи утверждал: «В конце XVII – начале XVIII в. политический прогресс воплотился в двух исторических фигурах»: Вильгельма Оранского и Петра Великого (с. 302). Здесь не место вступать в дискуссию по поводу Петра, однако замечу: это утверждение, по меньшей мере, противоречиво. Разве что автор считает возможным видеть два одновременных, но разнонаправленных «прогресса». Если прогресс Англии, по утверждению самого Бацера, состоял в движении к «либеральному демократизму», конституционной монархии и правам личности, то Россия явно двигалась по иному пути: к усилению абсолютизма и самодержавия, дальнейшему ограничению прав представителей разных сословий. Естественно, что никаких доказательств, что Петр мечтал направить Россию по конституционному пути, просто не существует в природе, поэтому в качестве такового служит полу-мифическое высказывание царя, якобы изреченное после посещения парламента: «Весело слушать, когда подданные открыто говорят своему государю правду; вот чему надо учиться англичан». «Слово и дело», а отнюдь не парламентские дебаты милы были российским самодержцам. Видимо, ощущая слабость своего доказательства, Бацер ссылается на авторитет одного из представителей столь часто ругаемой им советской историографии: «Советский историк Н. Н. Молчанов комментирует: «Если эти слова и действительно были сказаны, то они не противоречили склонностям самого Петра» (с. 303).

Что сказать, когда Петра превращают в едва ли не поборника конституционализма? Увы, такое происходит, когда историю натягивают наизнанку. На самом деле еще Иван Грозный, к которому Петр испыты-

²² Peacey. 2006.

²³ Knoppers. 2000.

вал немалый пиетет (см. упоминание об этом в статье О. Н. Мухина, опубликованной в том же номере «Диалога со временем»), высказывал удивление, как его современница Елизавета допускала существование парламента, в котором заседают «мужики торговые». Ближний боярин «тишайшего» царя Алексея, руководитель Посольского приказа А. Ордин-Нащокин разъяснял англичанину доктору Коллинсу: «Да что нам за дело до иноземных обычаев: их платье не по нас, а наше не по ним». Наконец, сам Петр вторил фавориту отца: «Говорят чужеземцы, что я повелеваю рабами, как невольниками. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Сии указы содержат в себе добро, а не вред государству. Англинская вольность здесь не у места, как к стене горох (! – А. С.). Надлежит знать народ, как оным управлять... Недоброхоты и злодеи мои к отечеству не могут быть довольны, узда им – закон»²⁴. Ссылка на книгу Н. Молчанова «Дипломатия Петра I» неубедительна, поскольку эта книга – одна из самых ангажированных в «поздней» советской историографии; она является апологетикой царя²⁵. Для понимания степени ангажированности концепции Молчанова достаточно привести его слова: «Под покровом дипломатической благопристойности Англия вредила России везде, где только могла». Что касается посещения Петром парламента, то запись в «Юрнале» более чем лаконична: «Были в перламенте». Это событие явно не относится к числу сильных впечатлений Петра. В апрельском письме А. Виниусу он рассказывал о морских маневрах, но словом не обмолвился о визите в парламента. Прав академик М. Богословский, отмечавший, что Петру было трудно «усвоить все особенности столь разнообразной английской жизни»²⁶.

Назовем еще ряд суждений Бацера, преподносимых как истина, но, по меньшей мере, дискуссионных. 1) о том, что если бы не Славная революция, то Англия не избежала бы участи ряда других европейских стран, переживших революцию в 1848 г. (с. 304). Единственный аргумент в том – мнение Маколея. 2) О том, что после побед Мальборо над французскими войсками в войне за испанское наследство «неожиданно разразился кризис». Что под этим подразумевается, понять трудно. В приведенной цитате из Грина говорится о процессе Сатчеверелла, причем этот «прогрессивный историк» указывал, что «процесс показал, какую ненависть возбудили против себя виги и война». Тем не менее, из фразы Бацера («Кризис был успешно преодолен при первых ганновер-

²⁴ См. подробнее: *Соколов*. 1992. С. 5.

²⁵ Там же. С. 16–18.

²⁶ Там же. С. 145–155.

цах установлением прочного всевластия вигов») получается, что он-то кризисом называет приход к власти торийской партии, в конечном счете, заключившей Утрехтский мир. Довольно странное понимание демократии, когда поражение на выборах любезных вигов трактуется как политический кризис (с. 305). 3) Что Мальборо – «слава Англии», Болингброк – «государственный изменник», а Свифт, хоть и гений, но в политике якобит, следовательно, предатель английского народа. Аргумент в отношении последнего – фраза писателя Оруэлла. Из текста Бацера не вполне ясно, понимает ли он разницу между якобитами и тори. 4) Что власть первых Георгов была чисто формальной по сравнению с полным верховенством парламента (с. 303–304). Аргумент – «это известно ныне каждому студенту-историку». Поскольку моя кандидатская диссертация была посвящена борьбе тори и вигов именно в годы войны за испанское наследство, а в докторской диссертации рассматривался вопрос о прерогативах короны при королях Ганноверской династии, я мог бы привести многие аргументы против указанных суждений. Боюсь, однако, что это означало бы написание еще одной статьи, да и увело бы в сторону от обсуждаемого вопроса – Славной революции.

В завершении остается заметить следующее. Появление «концепции» Бацера, восхваляющего Славную революцию в духе историков XIX века, должно было состояться в наши дни. Весь ее смысл и пафос становится понятным, если «совместить» ее с правилами современного либерального дискурса, в котором кучка героев-модернизаторов (аристократов) ведет страну по пути прогресса и дарует блага модернизации, включая дозволенную долю прав политических, народу (еще именуемому иногда «овощем»). Ключом для понимания «механики» (слово Бацера) этого совмещения действительно могут служить слова Гизо: революция 1688 г. «была зачата, приготовлена и приведена к концу людьми знатными, верными представителями интересов и чувствований нации. Дело английского народа восторжествовало через английскую аристократию» (с. 299). У нас «люди знатные», узкая образованная элита, выражающая «чувствования нации», но справедливо народу не доверяющая, со временем благодетельствует его, неразумного. В этом, если хотите, политическая и идейная сущность предлагаемой «концепции». Хотя любое блюдо требует приправы, и потому в статье М. И. Бацера видны следы многого другого, что сегодня под видом истории преподносится читающей публике, будь то психиатрический террор или разоблачение фальсификаторов.

А так я согласен – Славную революцию надо изучать.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Согрин В. В., Зверева Г. И., Репина Л. П.* Современная историография Великобритании. М.: Наука, 1991.
- Соколов А. Б.* Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль: ЯГПУ, 1992.
- Соколов А. Б.* XVIII век в Англии: споры историков // Вопросы всеобщей истории. Сборник научных статей / Отв. ред. Г. К. Селезнев. Рязань: РГПУ, 1997.
- British Politics and Society From Walpole to Pitt 1742–1789 / Ed. by J. Black.* L.: Macmillan, 1990.
- Clark J.* English Society 1688–1832. Cambridge: University Press, 1985.
- Clark J.* Revolution and Rebellion. State and Society in England in the Seventeenth and the Eighteenth Centuries. Cambridge: University Press, 1986.
- Colley L.* The Politics of the Eighteenth Century British History // *Journal of British Studies.* 1986. Vol. 25. N 4.
- Coward B.* The Stuart Age. England 1603–1714. L.-N.Y.: Longman, 1974.
- Grob-Fitzgibbon B.* “Whatsoever Yee Would that Men Should Doe unto You, Even so Doe You to Them”: An Analysis of the Effect of Religious Consciousness on the Origins of the Leveller Movement // *The Historian.* 2003. Vol. 65. N 4.
- Harri T.* Politics Under the Later Stuarts. Party Conflict in a Divided Society. L.-N.Y.: Longman, 1993.
- Knoppers L.* Constructing Cromwell. Ceremony, Portrait and Print 1645–1661. Cambridge: University Press, 2000.
- Norris M.* Edward Sexby, John Reynolds and Edmund Chillenden: Agitators, ‘sectarian grandees’ and the relations of the New Model Army with London in the Spring 1647 // *Historical Research.* 2003. Vol. 76. N 191. P. 30–53.
- Peacey J.* John Lilburne and the Long Parliament // *The Historical Journal.* 2000. Vol. 43. N 3.
- Peacey J.* Cromwellian England: A Propaganda State? // *History.* 2006. Vol. 91. Issue 2. N 302.
- Speck W.* Stability and Strife. England 1714–1760. L.: Arnold, 1984.
- Woolrych Au.* The Cromwellian Protectorate: A Military Dictatorship? // *History.* 1990. Vol. 75.

Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; sokolov_1457@mail.ru